
Обвалился ли курс рубля после денежной реформы Петра I?

Артём Ефимов

Did the ruble collapse after Peter I's monetary reform?

Artem Efimov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020091, EDN: FUARGG

В историографии не раз отмечалось, что одним из результатов петровской денежной реформы 1698–1704 гг. стало резкое падение курса рубля. Это убеждение во многом основано на свидетельствах иностранцев. Так, секретарь австрийского посольства О. Плейер в одном из донесений в 1704 г. утверждал, что в России рейхсталер, стоивший ранее 50–60 коп., подорожал до 120 коп., и это парализовало вексельный обмен и внешнюю торговлю¹. Английский посол Ч. Уитворт в начале 1707 г. писал, что если прежде рубль равнялся 10 шиллингам, то теперь за 110 коп. дают крону (5 шиллингов)², т.е. в 2,2 раза меньше³.

Английский капитан Дж. Перри указывал, что в 1701 г. «риксдоллар... ходивший во времена старых денег [по] 55 копеек... сделался рублём и получил ценность 100 копеек». Но это относилось не к обменному курсу, а к серебряному содержанию рубля. Курс же, по словам Перри, «упал на 30% или 40%»⁴, и рубль стал стоить ~80–90 коп.

Талер («риксдоллар» у Перри, или «ефимок» по-русски) в петровскую эпоху являлся важнейшей международной торговой монетой. Собственно, это была не валюта, а денежный стандарт, по которому чеканили свои деньги многие государства, в том числе Нидерланды, Испания, Швеция, немецкие княжества и города. Львиная доля русской внешней торговли велась в талерах. В них же, как правило, заключали контракты с иностранными наёмниками. Поэтому логично анализировать курс рубля именно относительно этого стандарта.

Отправная точка: три курса рубля во второй половине XVII в. Крупнейшим покупателем талеров в России была казна: западноевропейские монеты служили сырьём для производства русских денег, поскольку собственными серебряными рудниками страна не располагала (поэтому и процесс изготовле-

© 2022 г. А.В. Ефимов

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1858. С. 630.

² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. № 101 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 361–362 (см. оригинальный текст, так как перевод не вполне корректен).

³ Если верить экстракту Монетной конторы 1729 г., то до 1698 г., когда началось падение курса рубля, «чужестранные товары против нынешнего чуть не вполы покупались» (Документы для истории монетного дела царствования императрицы Анны Иоанновны. № 17 / Изд. вел. кн. Георгий Михайлович. СПб., 1901. С. 21).

⁴ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 2. С. 160–161 (4-я паг.). Первое издание книги вышло в 1716 г.

ния рублей назывался «денежным переделом»). При этом сосуществовали как минимум три курса талера. *Указный* устанавливался законодательно. По нему казна платила рублями жалование иностранцам, взимала у иностранных купцов торговые пошлины и плату за казённые экспортные товары. Он же использовался в казённой меняльной конторе, где европейские коммерсанты должны были обменивать свои талеры, чтобы официально торговать на порубежных ярмарках, например Архангельской и др.

Если же московское правительство хотело купить талеров сверх того, что получало от принудительного обмена, то возникал второй курс — *рыночный*, определявшийся договорённостью продавца и покупателя. С 1649 г. закупка талеров составляла казённую монополию⁵. Впрочем, её часто нарушали, и частные лица оказывались обладателями значительных запасов талеров. Кроме того, талеры наряду с русскими и польскими деньгами продолжали свободно ходить на территории Гетманщины, где монополия не действовала.

Наконец, третий — *паритетный* — курс определялся по серебряному содержанию. Согласно ст. 73 Новоторгового устава 1667 г., полновесным («добрым») считался талер весом «по 14 в фунте»⁶, т.е. ~29,3 г (409,536 г ÷ 14). Фактическая весовая норма копейки (единственной русской ходячей монеты) в то время составляла ~0,46 г⁷. Таким образом, по паритету серебряного содержания «добрый ефимок» должен был стоить ~63,7 коп. (29,3 г ÷ 0,46 г). В 1655 г. были ненадолго выпущены в обращение «ефимки с признаком» (талеры, надчеканенные копеечным штемпелем) по 64 коп.⁸ Кстати, именно эту сумму Г.К. Котошихин называл «полной ценой» ефимка⁹. В идеале рыночный курс совпадал с паритетным, но на практике риски и издержки обеих сторон сделки вносили свои коррективы.

Согласно ст. 50 того же Новоторгового устава, указный курс полновесного талера составлял 50 коп.¹⁰ Значит, ~29,3 г талерного серебра приравнивались к 23 г (0,46×50) копеечного. Таким образом, указный курс рубля (2 талера) был завышен относительно паритетного (~1,56 талера) на ~27%. По сути, это являлось дополнительным налогом на торговлю иностранцев в России и имело принципиальное фискальное значение, поскольку обеспечивало прибыльность денежного передела.

Официально это завышение обосновывалось высокой пробой серебра, из которого чеканились копейки. В первой половине XVII в. талеры при переделе плавил на костяных углях. Это устраняло почти все примеси. Угар (потери в весе лигатурного серебра при плавке, резке и проч.) в высокопробных талерах составлял 6–8%, а в низкопробных достигал 20–25%). В результате копеечное

⁵ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. № 55. С. 189–190.

⁶ Новоторговый устав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4 / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 128. Образцом служили «любские ефимки» — ганзейские [любекские] талеры XVI в. При этом в обращении находились в основном более новые, сравнительно легковесные талеры из северогерманских городов, а также из Нидерландов — их принимали «с довесом».

⁷ Формально — чуть больше, «по 3 алтына в золотнике», т.е. ~ 0,474 г (РГАДА, ф. 16, д. 31, л. 46). См.: Янин В.Л. К истории денежной реформы Алексея Михайловича // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 17. Л., 1985. С. 157; Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 209.

⁸ Мельникова А.С. Указ. соч. С. 200–201.

⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 111.

¹⁰ Новоторговый устав. С. 126.

серебро оказывалось чище талерного. Ещё в 1635 г. посольство кн. А. М. Львова-Ярославского, отправленное в Речь Посполитую для закрепления мирного договора после Смоленской войны, отвергало идею уравнивания польских и русских денег, поскольку, «хотя [копейки] и дробны (т.е. мелки. — *А.Е.*), зато сделаны из чистого серебра»¹¹. Это составляло предмет гордости Московского государства. Но уже в середине XVII в. русские денежные дворы отказались от плавок «на костях», и копеечное серебро стало не таким уж чистым¹². А по мнению А.С. Мельниковой, проба копейки сравнивалась с талерной даже раньше — около 1626 г.¹³

Тем не менее русские чиновники продолжали настаивать на чистоте копеечного серебра вплоть до самого конца XVII в. Веря им, тот же Перри писал, что копейки до петровской денежной реформы «были чистого серебра и имели полный вес, соответствующий лучшим деньгам в других странах»¹⁴. В экстракте Монетной конторы в 1727 г. утверждалось, что копейки чеканили «ис сплавленного серебра с костей» до 1698 г.¹⁵

В 1681 г. серебряное содержание копейки снизилось до 0,4 г¹⁶. По-видимому, именно после этого указный курс талера повысился до 55 коп., достигнув базового уровня, от которого отсчитывали обесценивание рубля в начале XVIII в. Перри, Уитворт, Плейер и др. Серебряное содержание талеров в среднем также снижалось: многочисленные государства, выпускавшие их, экономили серебро, стандарт подвергался эрозии, а старые монеты теряли в весе из-за износа. Фактически норма талера к концу XVII в. составляла 28 г, позднее она была принята в ходе петровской реформы и для рубля. Тем самым паритетный курс талера составлял 70 коп. (28÷0,4). Следовательно, завышение указного курса рубля (1,81 талера) относительно паритетного (~1,43 талера) осталось прежним: ~27%.

При этом и старая весовая норма талера (~29,3 г), и даже старый указный курс (50 коп.) продолжали то и дело «всплывать» (например, в ст. 4 наказа архангельским таможенным головам 1699 г.¹⁷). Более того, курс талера в 50 коп. оказался закреплён Бирженским договором 1701 г. между Петром I и Августом II.

В конце XVII в. при подготовке денежной реформы подьячий Приказа Большой казны Б. Иванов докладывал, что «прежних лет деньги деланы весом крупны, а пробою высоки, из самого чистого серебра, пробою по 96 золотни-

¹¹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 9 // Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 5. М., 1990. С. 172.

¹² Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 117–118.

¹³ Мельникова А.С. Указ. соч. С. 198.

¹⁴ Перри Дж. Указ. соч. С. 160.

¹⁵ РГАДА, ф. 16, д. 31, л. 46.

¹⁶ Согласно экстракту Монетной конторы 1727 г., «по 3 алтына по 3 денги из золотника», т.е. по ~0,406 г. Это была одна из многих перемен в русской фискальной системе 1678–1681 гг., наряду с отменой таможенных и кабацких откупов, введением стрелецкой подати и переходом к подворному обложению. Подробнее см.: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 27–30; Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 61–66; Голубцов И.А. К истории податной реформы 1679–1681 гг.: приговоры 1679 г. о подворном обложении стрелецким хлебом // Исторический архив. 1959. № 5. С. 155–167; Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 341–346; Бушкович П. Пётр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 85–128.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. 3. № 1687. С. 617.

ков»¹⁸. По словам Иванова, вплоть до 1698 г. иноземцы скупали на Архангельской ярмарке высокопробные копейки, давая «на рубль наддачи по 5 копеек» (т.е., видимо, с премией 5% к паритетному курсу), вывозили их за море и переплавляли в талеры «пробой по 82 золотника», выгадывая по 14 золотников с каждого фунта. При подобных параметрах валютной спекуляции курс рубля достигал 1,5 талера (1,43+5%), а цена талера составляла ~67 коп. Привезя в Архангельск, к примеру, 100 талеров, спекулянт обращал их в 67 руб., что составляло 2680 г (67×40 г) чистого копейчного серебра. Его спекулянт вывозил, скорее всего, в Амстердам — мировой центр валютных операций и торговли драгоценными металлами. Чтобы привести серебро к талерной пробе 82 золотника, к нему примешивали по 14 золотников меди на фунт, т.е. разбавляли на 14,6%. Из полученного сплава выходило ~109 талеров (по 28 г), т.е. прибыль составляла 9% за вычетом транспортных и производственных расходов¹⁹. В действительности же она была ещё меньше, поскольку копейчное серебро не являлось химически чистым.

Сообщение Иванова о 5% премии при скупке русских денег для вывоза в Западную Европу указывает на цену, по которой талер ходил на Архангельской ярмарке помимо казны, т.е. на его рыночный курс. Итак, к 1698 г., когда началась реформа, паритетный курс талера составлял 70 коп., указный — 55, а рыночный — 67 коп. Как же изменилось их соотношение в дальнейшем?

Денежная реформа 1698–1704 гг. и закупки талеров в 1700-е гг. Меры, предпринятые в 1698–1704 гг., включали понижение серебряного содержания рубля, введение медных денег и сложной системы номиналов, техническое совершенствование денежного производства²⁰. П.Н. Милоков считал, что эти действия преследовали сугубо фискальную цель — увеличить денежную эмиссию для финансирования растущих военных расходов²¹. По мнению же А.И. Юхта, царь-преобразователь руководствовался более широкими экономическими и политическими соображениями и хотел создать новую, более гибкую и удобную денежную систему, лучше соответствовавшую международному престижу России и её положению в мировой торговле²².

В сущности, реформа представляла собой порчу денег: новые монеты были на 30% легче старых, но имели тот же номинал — разница, за некоторыми вычетами, составляла прибыль казны. На пике она достигала в 1702 г. почти 1,3 млн руб., покрывая около половины военных расходов.

В 1698 г. началась чеканка копеек весовой нормой 0,28 г. Судя по данным на 1702 г., мастерам при плавке серебра было «велено в сплавку класть по полтретья пуда [меди]»²³. Тем самым разбавление серебра, по-видимому, с целью компенсировать угар стало частью технологического процесса передела. В 1704 г. появилась рублёвая монета весом 28 г. Сперва это были переобжатые талеры: иностранные монеты плющили, чтобы стереть прежнее изображение,

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 103, л. 1–1 об. Золотниковая проба — количество золотников чистого серебра в фунте сплава. В фунте 96 золотников. Соответственно, 96-я проба — это химически чистое серебро.

¹⁹ Перри писал, что вскоре по приезде в Россию в 1698 г. он «получил два или три процента прибыли» от обмена «небольшой суммы, посланной... в Англию» (*Перри Дж.* Указ. соч. С. 160).

²⁰ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 9–36.

²¹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 148–153.

²² Юхт А.И. Указ. соч. С. 12–16.

²³ РГАДА, ф. 160, 1702 г., д. 20, л. 3.

а затем чеканили поверх новое²⁴. Поскольку рубль и талер теперь имели одинаковые вес и пробу, паритетный курс стал 1:1. Вместе с тем в Москве не могли больше утверждать, что копеечное серебро чище талерного, и официальное обоснование завышения указного курса рубля исчезло.

Большая часть талеров, ввезённых в Россию, оказывалась в конечном итоге на денежных дворах. В отчётных приходо-расходных книгах Приказа Большой казны и Монетного двора Приказа воинских морских дел, сданных в Ближнюю канцелярию²⁵, сохранились ведомости денежного передела 1701–1710 гг. В них иногда указывался курс, по которому выкупались талеры (в 1702 г. – 58 коп.²⁶, 1703 г. – 70²⁷, 1706 г. – 80²⁸, 1707 г. – 84 коп.²⁹).

Таблица

Закупки талеров в казну (1701–1708)

Год	Приобретено талеров		Стоимость (руб.)	Курс (коп.)	Содержание сделки	с/в курс (коп.)
	количество	вес (кг)				
1701	[190 500]	5 334	115 066,00	[60]	Цена 2 487 бочек поташа, проданных Большой казной (РГАДА, ф. 396, д. 1, л. 15 об.)	[57,2]
	[323 129]	9 047,6	179 962,72	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же, л. 18)	
	[72 479]	2 029,4	40 388,00	[56]	Цена поташа и смольчуга, проданных Большой казной (Там же)	
1702	132 144	[3 700]	85 893,48	[65]	Цена 2 083 бочек поташа, проданных Большой казной иноземцу Карлусу Гутфелю (Там же, д. 35, л. 133 об.)	[57,9]
	[306 964]	8 595	171 051,20	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же, л. 138)	
	[100 021]	2 800,6	55 734,36	[56]	Цена поташа, проданного Большой казной (Там же, л. 138 об.)	
	[5 754]	161,1	3 229,95	[56]	Талеры скуплены Монетным двором в Смоленске (Там же, д. 37, л. 97)	
	[19 189]	537,3	10 623,83	56	Талеры куплены Монетным двором у иноземцев Христофора Бранта, Ивана Любса и Даниила Шхарботура (Там же, л. 99)	

²⁴ [Шлаттер И.А., Нартов А.А.] Историческое описание, до монетного дела принадлежащее // Горный журнал. 1832. Ч. 3. Кн. 8. С. 239.

²⁵ РГАДА, ф. 16, д. 554, ч. 2; ф. 19, д. 2, 128; ф. 396, оп. 3, д. 1, 18, 35, 37, 60, 66, 86, 96, 105, 111, 123, 128, 139, 144, 157, 163.

²⁶ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 35, л. 131.

²⁷ Там же, д. 60, л. 108 об.

²⁸ Там же, д. 128, л. 115 об.

²⁹ Там же, д. 144, л. 114.

1703	13 746	385	9 621,85	70	Цена икры и карлучного клея, проданных Приказом Большого двorca (Там же, д. 60, л. 108 об.)	[67,1]
	101 749	2 803,3	67 196,33	[66]	Талеры куплены Приказом воинских морских дел «для посольских посылок» (Там же, д. 66, л. 149 об.–150)	
	25 000	[700]	17 500,00	[70]	Талеры куплены Монетным двором у кашевца Андрея Турки (частью в долг, который погашен в 1705 г.) (Там же, д. 111, л. 301 об.)	
1704	[32 761]	917,3	18 816,00	[57]	Цена смольчуга, проданного Большой казной (Там же, д. 86, л. 91)	[58,5]
	[117 064]	3 277,8	65 238,18	[56]	Цена поташа, проданного Большой казной (Там же)	
	[18 311]	512,7	10 203,80	[56]	Талеры куплены Большой казной через подрядчиков (Там же)	
	[14 971]	419,2	11 712,54	[78]	«Ефимки дворцовые покупные», поступившие в денежный передел (Там же, д. 86, л. 92 об.)	
	15 152	[424,3]	10 000,00	[66]	Талеры скуплены подрядчиком Монетного двора Афанасием Прокудиным на Украине (Там же, д. 96, л. 236)	
1705	20 000	[560]	12 000,00	[60]	Погашение долга казны перед иноземцем Андреем Стельсом и его братом (Там же, д. 105, л. 96)	[62,9]
	[7 950]	222,6	5 584,25	[70]	Талеры куплены Монетным двором (Там же, д. 111, л. 261 об.)	
1706	1 500	[42]	1 200,00	80	Талеры куплены Монетным двором (Там же, д. 128, л. 115 об.)	[62,4]
	6 001	175,3	[3 480,58]	58	Цена юфти, пеньки и сала, проданных Монетным двором Карлусу Гутфелю и маркизу Кармартену (Там же, л. 68)	
1707	[9 236]	258,6	8 059,34	[87]	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, д. 144, л. 118)	[86]
	4 500	126,7	4 050,00	90	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, л. 120)	
	[22 439]	628,3	18 988,96	[85]	Талеры куплены Монетным двором через подрядчиков (Там же, л. 120 об.)	
1708	52 307	1 535	47 076,33	90	Талеры куплены Монетным двором на медные деньги (Там же, д. 163, л. 97 об.)	[89,2]
	3 000	—	2 100,00	[70]	Вексель, принятый Монетным двором в уплату ефимочной пошлины (Там же, л. 98 об.)	
	22 222	647,1	20 000,00	90	Талеры скуплены Монетным двором «розных чинов у людей» на медные деньги (Там же, л. 101)	

Составлено по: РГАДА, ф. 396, д. 1, 35, 37, 60, 66, 86, 96, 105, 111, 128, 144, 163.

В тех частых случаях, когда талеры приобретались не по счёту, а на вес, могла отмечаться цена их фунта. При весовой норме талера 28 г фунт содержал 14–15 монет ($409,536 \div 28$). Согласно книгам Большой казны, в 1701 г. фунт талеров стоил 8 руб. 15 коп. (курс талера ~56 коп.)³⁰, в 1703 г. — от 8 руб. 40 коп. до 9 руб. 80 коп. (58–67 коп. за талер)³¹, а в 1708 г. — 12 руб. (~82 коп.)³².

В книгах Большой казны отдельные сделки по обмену талеров фиксировались только до 1704 г. В последующие годы в них вносились лишь остатки талеров на денежных дворах, а также их суммарный «завод» (капитал) и суммы «в отдаче» (оборотный капитал) приказа и Купецкой палаты (московской казённой меняльной конторы). В книги Монетного двора отдельные сделки записывали до 1708 г.

В таблице сведены данные о сделках Большой казны и Монетного двора по обмену талеров. Учитываются только сделки с населением или с иностранными поставщиками, но не с другими приказами (больше всего их заключалось с Ратушей). Список, разумеется, не претендует на полноту, но вполне репрезентативен. В тех случаях, когда в источнике указано только количество или только вес приобретённых монет, недостающий показатель вычислен, исходя из весовой нормы 28 г (количество округлено до целых, вес — до десятых). В этом есть доля условности: в тех случаях, когда в источнике указаны и количество, и вес талеров, можно рассчитать их средний вес, и он оказывается иногда больше, а иногда меньше 28 г. Но эти отклонения никогда не превышают 3%, поэтому 28 г можно принять за среднее значение.

Курс в некоторых случаях прямо указан в источнике, а в остальных — вычислен делением стоимости талеров на их количество (результаты округлены до целых). Для каждого года рассчитан средневзвешенный (с/в) курс: общая стоимость талеров, разделённая на их количество (результаты округлены до десятых). Все показатели, которые не взяты из источника, а высчитаны, даны в квадратных скобках.

В таблице обращает на себя внимание падение средневзвешенного курса талера в 1704 г. и его резкий рост в 1707 г. Это не означает, что котировка талера упала. В этот период заметно сократился объём прямых закупок талеров в казну: в 1702 г. он составлял более 300 тыс., в 1703 г. — более 100 тыс., 1704 г. — менее 50 тыс., 1705 г. — 7950, 1706 г. — 1500. Похоже, русские чиновники и иностранные купцы не могли договориться, и сделки совершались лишь тогда, когда купцы по тем или иным причинам соглашались на сильно заниженный относительно паритетного курса. Объём закупок снова превысил 30 тыс. талеров в 1707 г., когда казна стала покупать талеры на медные деньги, соглашаясь на более высокий курс.

О заботах лиц, отвечавших за денежное дело, можно судить по письмам дьяка Я.К. Борина, заведовавшего Монетным двором Приказа воинских морских дел, главе этого учреждения ближнему боярину Ф.А. Головину. Их переписка продолжалась с 1701 г., когда начал работу Монетный двор, до смерти Головина в июле 1706 г.³³

³⁰ Там же, д. 1, л. 17 об.

³¹ Там же, д. 60, л. 103.

³² Там же, д. 157, л. 70.

³³ Там же, ф. 160, 1701 г., д. 12; 1702 г., д. 20; 1703 г., д. 24; 1704 г., д. 31; 1705 г., д. 16; 1706 г., д. 18.

11 сентября 1702 г. Борин сообщал со слов архангельского бурмистра С. Казакова: «У иноземцев ефимки продажные есть, просят по 20 алтын [60 коп.] за ефимок, а меньше не берут». Но ни дьяк, ни бурмистр «не смели» покупать их по такому курсу³⁴. В 1703 г. Борин писал, что иностранцы отказываются продавать талеры на русские деньги, предпочитая обменивать их на товары³⁵. Проблема, очевидно, заключалась в том, что коммерсанты не могли договориться с чиновниками о курсе. При этом казна была монопольным поставщиком поташа, юфти, пеньки, сала и некоторых других товаров на экспорт и, продавая их за талеры, могла навязывать покупателям выгодный для себя курс. Но это оказалось более приемлемо, поскольку потери на курсе могли компенсироваться благодаря высокой марже.

В августе 1703 г. Борин писал: «От скупщиков, которые скупают ефимки и продают из прибыли, денежный двор останавливается. Ефимкам цену вздорожали: недавно ефимки покупали по 20 алтын [60 коп.], а как стали слитки покупать на денежный двор, и в те слитки сплавливать ефимки учили, покупать по 21 алтыну с двумя гроши [64 коп.]. А ныне... просили скупщики по 22 алтына [66 коп.]». Борин убеждал Головина в необходимости указа о смертной казни за нарушение казённой монополии на скупку ефимков³⁶.

В это самое время некий А.Г. Ланской, назвавшийся смоленским шляхтичем и знакомцем боярина Б.П. Шереметева, предложил Монетному двору купить 28 500 талеров по 70 коп. «А указная, государь, цена покупать в казну великого государя ефимки — по 20 алтын [60 коп.] в довес, — отмечал Борин, — а мимо государевой казны никому покупать и продавать ефимков не велено». При этом «а по приказу, государь, твоему сверх указной цены покупали ефимки в шет ценою по 21 алтыну по 2 денги [64 коп.], а другая цена — по 22 алтына [66 коп.], а больше той цены не покупали». Ланской, по рассказу Борина, сначала говорил, будто выставил на продажу талеры Шереметева, потом уверял, что они принадлежат ему самому, затем признал их собственностью фельдмаршальского сына Михаила Борисовича. Между тем казначей Шереметева категорически отрицал наличие в боярском доме такого количества серебра. «[3]натно, — полагал Борин, — такому великому пожитку у того знакоца [Ланского] быть невозможно: чаю, он человек небогатый. А знатно, что он те ефимки набрал у скупщиков из прибыли»³⁷.

Любопытно, что в письме упоминался указный курс талера (60 коп.), который ещё годом ранее считался слишком высоким. Казна, очевидно, пыталась законодательно замедлить снижение стоимости рубля. По долгам 1703–1704 гг. Монетный двор расплачивался «по 20 алтын за полновесный ефимок, а за фунт по 8 рублей по 13 алтын по 2 денги»³⁸, т.е. по 58–60 коп. В 1703 г. зафиксирована закупка тем же Монетным двором более 100 тыс. талеров по 66 коп. (см. табл.). Вместе с тем Борин явно стремился использовать возможности, связанные со свободой денежного обращения на Украине. В том же году купцы А. Прокудин из Старого Оскола и Р. Ветчинин из Курска получили с Монетного двора 10 тыс. руб. «на покупку [ефимков]

³⁴ Там же, ф. 160, 1702 г., д. 20, л. 12–12 об.

³⁵ Там же, 1703 г., д. 24, л. 8 об.—9.

³⁶ Там же, л. 57–58.

³⁷ Там же, л. 21–22 об. Согласно боярским спискам, А.Г. Ланской с 1703 г. был жильцом и служил адъютантом в Большом полку, т.е. и впрямь мог быть знаком с Шереметевым.

³⁸ Там же, ф. 396, оп. 3, д. 111, л. 301 об.

по черкасским городам»³⁹ и в 1704 г. поставили 15 152 талера (см. табл.), купленных по 66 коп.

Но затруднения из-за падения курса рубля возникали не только при закупке талеров для денежного передела. В Бирженском договоре 1701 г. Августу II была обещана субсидия «200 000 ефимков или 100 000 рублей»⁴⁰. По договору, подписанному 1 октября 1703 г. в Варшаве с Августом, Пётр увеличил её ещё на 300 тыс. руб., и его союзник, очевидно, рассчитывал на 600 тыс. талеров. Однако курс на сей раз не был прямо оговорен. Когда же в начале 1704 г. адъютант саксонского курфюрста Арнштедт приехал в Москву, гр. Головин, возглавлявший Посольский приказ, объявил, что готов вручить ему 300 тыс. руб. «московскими деньгами». Арнштедт отказался их принять, понимая, что они обесценены реформой и не могут быть обращены в 600 тыс. талеров. Он требовал либо вексельного перевода, либо увеличения субсидии в рублях до такой суммы, чтобы при обмене получить 600 тыс. талеров. Графу пришлось взять на вексель 200 тыс. талеров у английских и голландских купцов в счёт их будущих ефимочных пошлин. Причём ближний боярин согласился платить Августу II по 63 коп. за талер, хотя векселя достались ему по курсу 70 коп. Параллельно Фёдор Алексеевич вступил в переговоры об обмене рублей с еврейскими менялами и отправил 40 тыс. руб. гетману И.С. Мазепе для скупки талеров на Украине. Однако канцлер настаивал на том, что в дальнейшем субсидии будут выплачиваться рублями⁴¹.

Таким образом, падения курса рубля вдвое в начале XVIII в. всё же не наблюдалось. Если в начале 1700-х гг. его стоимость составляла (по крайней мере, по указному курсу) ~1,82 талера, то к концу десятилетия ~1,1 талера. Падение составило 40% — Перри оказался точен в оценках. Но необходимо учитывать, что высокая проба русских денег во второй половине XVII в., по-видимому, не была просто фикцией. Во всяком случае, многие современники в неё верили и основывали на этом схемы валютных спекуляций. Официальный отказ от претензий на исключительную чистоту копеечного серебра — один из важнейших аспектов реформы 1698—1704 гг. Причины этого шага понятны: Пётр хотел финансировать военные расходы за счёт эмиссии и не мог смириться с потерями серебра на угаре. Но в результате иностранные контрагенты казны утратили веру в особую чистоту русских монет и больше не желали приобретать их по завышенному курсу. Тем самым один из традиционных источников прибыли государства — денежный передел — стал истощаться.

Падение стоимости рубля происходило довольно плавно. Указный курс снижался постепенно, от года к году, нагоняя рыночный, а тот, в свою очередь, падал, стремясь к паритетному 1:1 (см. график). Впрочем, выше 90 коп. цена талера не поднималась. В 1711 г. Сенат распорядился закупать талеры по 12 руб. за фунт⁴², т.е. по ~82 коп. за талер. В 1713 г. сенатор В.А. Апухтин, курировавший денежное дело, обнаружил, что фактически талеры закупаются по 90 коп., и счёл возможным своим распоряжением снизить закупочную цену до 85 коп.⁴³ Тогда же голландский купец И. Любс подрядился поставить в 1714 г. 100 тыс. талеров по 87 коп.⁴⁴

³⁹ Там же, д. 66, л. 183.

⁴⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. № 365, п. 6. С. 437.

⁴¹ Там же. Т. 3. № 624, примеч. С. 588—591.

⁴² ПСЗ-I. Т. 4. № 2371. С. 691.

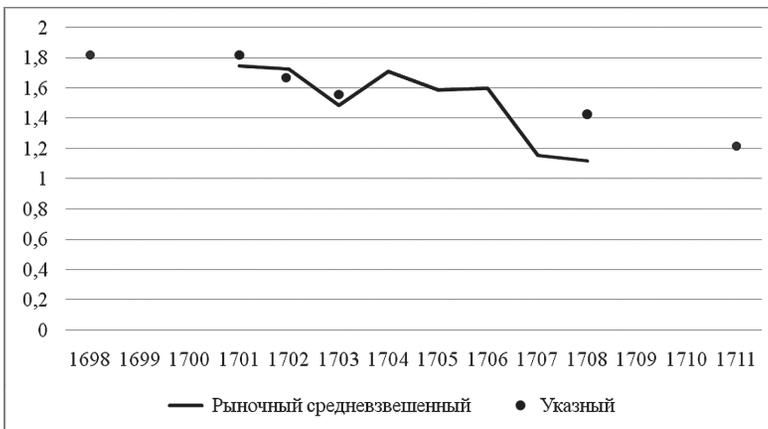
⁴³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. 2. СПб., 1887. № 1205. С. 1320.

⁴⁴ Там же. С. 1324.

Итак, рыночный курс рубля к концу 1700-х гг. стабилизировался в диапазоне 1,1–1,2 талера, т.е. на 10–20% выше паритетного. Иностранцы купцы будучи достаточно заинтересованными в русских товарах, соглашались на такие издержки. Казна же благодаря этому продолжала получать прибыль от денежного передела, хотя, конечно, о сверхприбылях речи уже не шло. Этой стабилизацией завершился первый этап становления петровской денежной системы. Стабильность, конечно, оставалась весьма относительной: Северная война, даже после Полтавы, была далека от завершения, реформы набирали обороты, государственные расходы продолжали расти, не прекращались поиски новых источников дохода и, в частности, эксперименты с эмиссией. Но это был уже следующий этап, который нужно анализировать особо.

График

Курс рубля к талеру в 1698–1711 гг.

Едва ли правомерно оценивать то, что случилось с рублём в 1698–1711 гг., как «обвал». В России не просто снизилось серебряное содержание денег, а возникла новая система. Отказ от претензий на исключительную чистоту монетного серебра стал идейным переломом. Первоначально на него пошли ради резкого увеличения эмиссии и сверхприбылей от денежного передела, которые обеспечили финансирование военных издержек в самый напряжённый период Северной войны — от поражения под Нарвой в 1700 г. до победы под Полтавой в 1709 г. Эта мера потребовала пересмотра принципов монетарной политики: государству пришлось в конце концов смириться с тем, что оно больше не может директивно завышать курс рубля на 27%. Это было, конечно, болезненно и не только потому, что сверхприбыли сошли на нет за несколько лет (П.Н. Миллюков не вполне справедливо упрекал за это Петра и его соратников⁴⁵), а поскольку перестал действовать механизм извлечения дохода из денежного передела, работавший по меньшей мере с середины XVII в. Более того, снижение пробы русских денег до уровня иностранных наносило удар по престижу государства. Курс рубля стал в гораздо большей степени определяться рыночными силами — спросом и предложением, торговым балансом — и в гораздо меньшей мере — мистическими соображениями чистоты серебра и царской воли, дающей деньгам платёжную силу.

⁴⁵ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 152.